

Ах, этот славный 45-й!

ЭНГЕЛИНА ЧИСТОВА

22 июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...

Это слово в слово про меня, про нас.

22 июня 1941 года рано утром, ещё до восхода солнца, были подняты по тревоге все обитатели Янышевского детского дома, собраны на так называемую линейку. Заспанные, неумытые, съевшие от утренней прохлады, уже априори имеющие несчастный вид дети. Нам объявили, что началась война.

Янышевка расположена в 80 километрах на север от Житомира и в 100 километрах западнее Киева, то есть все немецкие самолёты, которые летели бомбить Киев, не миновали Янышевку. Теперь известно, что 22 июня первые бомбы упали не только на Киев, но и на Житомир, а через неделю немцы уже были на подступах к Житомиру.

На площади люди разделились на две группы: с одной стороны ребята, которые уходят; с другой стоят взрослые люди, по-видимому, те, кто работал в детском доме, где-то неподалёку жил и покидать свой дом, семью не намерен. И с ними несколько детей — тех, кто был болен и в дорогу отправляться не мог. Помню одну девочку. Почему-то она плохо ходила, у неё всегда было бледное лицо... Мне было жаль, что девочка остаётся. Куда и на какие испытания отправлялись мы, я, безусловно, не предполагала, но было чувство жалости к тем, кто остаётся. Они как бы оставались на войне... Бог ты мой! Я не знала, что война будет в любом уголке нашей большой страны и пережить её придётся всем — и тем, кто уходит, и тем, кто остаётся.

Мы шли на Киев, который, как известно, бомбили. Сопровождали нас, группу ребят, трое: взрослый мужчина и две его дочери — студентки каких-то столичных вузов, приехавшие на каникулы. Какое же ярмо они взвалили на свои плечи! Ведь не на мирную прогулку они вывели группу детей...

Эвакуация... Тогда ещё не знали этого странного слова — эвакуация!

До Киева мы дошли пешком за несколько дней. Над нашими головами всё время был слышен гул самолётов. Со временем мы научились распознавать по гулу вражеские. У них был какой-то свой, особый страшный вой. А поначалу мы ещё не умели этого делать. Поэтому всякий раз, когда в небе появлялись самолёты, по команде «ложись» мы падали на землю и лежали до тех пор, пока гул не умолкал.

Нас от детского дома сопровождали три подводы, как бы с продуктами. Но на первом же привале выяснилось, что на одной подводе вместо продуктов оказались коробки с вилками и ложками. На второй — вместо хлеба были ящики с хозяйственным мылом. Это потом, много позже, хозяйственное мыло стало очень ценным и дефицитным товаром. А в те первые дни нам хотелось есть! Но только одна подвода была с хлебом.

Нас выручали жители сёл, через которые мы проходили. Женщины выносили нам хлеб, крынки с молоком, варёную картошку, черешню. С жалостью смотрели на нас, уставших, грязных, вытирали слёзы...

Р. С. Между прочим. Обращая ваше внимание! Это были женщины-украинки. Очень близкий наш маршрут: Песковка, Бородянка, Гостомель, Ирпень. Неужели эти женщины теперь не испытывают добрых

чувств по отношению к детям Донбасса?

На подходе к Киеву нас остановили военные, собрали в кружок и объяснили ситуацию. Вот дорога — прямо. Справа — хлебное поле, оно горит. Слева — лес, в него заходить нельзя, там высадился немецкий десант. Оставаться — тоже нельзя, немцы наступают. Только вперёд по дороге бегом. Головы (волосы) замотать чем-либо, чтобы уберечься от огня.

Ну и страшно же было! В лесу — немцы. Бежать было очень жарко. Поле длинное. Потом так хотелось пить! А что пить? Нашли какую-то лужицу. Вода, правда, прозрачная — дно травянистое, но плавает в воде какая-то живность — противно. Брат мне сказал: «Пей! Это не жабы, это ещё только головастики, они не гадкие». И я пила.

Пришли в Киев, в Дарницу, на правый берег Днепра. Как же перебраться на восточный берег? Мост уже взорван. В небе то и дело воют мессершмиты. В этой обстановке, прячась по кустам, мы провели почти два дня. Девушки-студентки ходили по домам и буквально по кусочку собирали для нас всякую еду. А мы уже сами нашли себе «еду». В скверике молодые побеги то ли елей, то ли сосен оказались, на наш взгляд, съедобными, сладковатыми. Они были смолистые, прилипали к рукам, а во рту всё слиплось. Но есть хотелось.

Перебраться через Днепр нам помогли военные, соорудив понтонную переправу — это временный плавучий мост... Возле Киева Днепр широкий. А если помните, Киев бомбили, и Днепр тоже. Сколько страху мы натерпелись!.. Но нас тогда хранили Господь, зенитчики и паромщики. До другого берега добрались благополучно. Военные инженеры подарили нам тогда надежду на жизнь.

После Киева мы оказались на берегу Северного Донца, рядом с Ворошиловградом (ныне Луганск). Там мы жили вольготно, но недолго. На Лысой Горе в костре пекли початки кукурузы, с бахчей таскали арбузы, и помидоры были. Лето! Жара! Купались в сауне. Я научилась плавать. Это были последние дни короткой сытой жизни.

А в сентябре мы уже ехали в товарном вагоне поезда «500-весёлый» в глубь страны, на восток. Путь неблизкий, тревожный, под бомбёжками.

Мы, по-видимому, ничем не отличались от беспризорников. Были такие же немые, чуждые, грязные, плохо одетые, плохо обутое, голодные... Вот только «дом» у нас был — медленно-медленно движущийся на восток товарный вагон. Голодные мы были всегда. Нас никто не кормил, у нас не было завтраков, обедов, ужинов. Нашими «пунктами питания» были разбомблённые склады зерна, семечек, макухи. Мы ели траву: паслён, какие-то калачики... И ещё была какая-то трава, которой можно было, как мылом, вымыть руки. Мы научились голодать, уже не ощущали постоянного острого желания поесть.

А уж ели только тогда, когда случалось, что на станции встречался наш поезд со встречным военным эшеломом, идущим на фронт. Вот тогда прямо из кот-

Мой прадедушка

НАТАША МАРУЦАК, 5-й класс

Нам Великая Отечественная война кажется чем-то нереальным, забытым, однако если внимательно изучить историю своей семьи, то можно понять, что это страшное время не обошло её стороной.

В нашей семье воевали несколько поколений. Прошёл всю войну и вернулся мамин дедушка, мой прадедушка. Отец и брат моей прабабушки погибли в первый год войны совсем молодыми. Блокаду Ленинграда пережила прабабушка. Звали его Григорий Михайлович Васыко. Он — отец моей бабушки. Ушёл на фронт Гриша совсем молодым. Оставил жену и маленького сына со своими родителями. Разлука всем далась очень трудно, но надо было защищать Родину.

Мой прадед прошёл всю войну. Конечно, не обошлось без ранений. Одно было в ключицу. Эту рану удалось залечить, остался лишь заметный шрам. Второе, более серьёзное ранение он получил в голову, в висок. До конца жизни его беспокоил маленький осколок, его так и не удалось вытащить...

Много трудностей и лишений пришлось пережить дедушке за это тяжёлое время. Он попал в плен в Польшу. Оттуда чудом удалось спастись.

Вернувшись домой, прадед был вынужден прятаться. Ведь люди, побывавшие в плену, считались врагами, их нередко расстреливали. Мой прадед не любил вспоминать это время, рассказывал о нём с большой неохотой. В нашей семье его считают героем. У прадеда было много боевых наград. Он дошёл до Берлина и вернулся живым к своей семье. Разве это не чудо?

До конца жизни он оставался сильным и очень жизнерадостным человеком.

Вот фотография с удостоверения ветерана Великой Отечественной войны, такие давали в советское время. Этот документ вместе с медалями и наградами теперь хранится у нас как память о дедушке Грише.

ла полевой кухни военные нас кормили кашей. Было горячо и очень вкусно!

По этой дороге мы должны были проехать станцию Миллерово, которую нещадно бомбили. Наш состав остановили прямо в степи — перед ней. По команде «Выходи» все высыпали из вагонов и лежали в траве вдоль насыпи несколько часов.

Замечательный писатель Даниил Гранин свою книжку «Мой лейтенант» начинает с описания бомбёжки. Делает он это мастерски и очень точно: «...Небо потемнело от самолётов... оно загудело, задрожало... Я скатился с насыпи, бросился под ближний куст, лёг ничком, голову сунул в заросли. Упала первая бомба, вздрогнула земля, потом бомбы посыпались кучно, взрывы сливались в грохот, всё тряслось... Самолёты выли; бомбы, падая, завывали ещё истошнее. Их вопль ввинчивался в мозг, ... разворачивал внутренности. Самолёты пикировали, один за другим заходили на цель. А целью был я...»

В бомбёжке под Миллерово целью была я. В отличие от Гранина, который, сунув голову в заросли, наблюдал, как между травинками полз рыжий муравей, я смотрела в небо. Мне было 12 лет. Моё глупое детское любопытство было сильнее страха. Я хотела увидеть лицо лётчика, который убивал меня. И я увидела. Самолёт летел так низко, «что горячий воздух пропеллеров шевелил мои волосы». Лицо лётчика было совершенно спокойное, он расстреливал нас равнодушно, злобно.

А потом была команда: «Грузись». И все — бегом по вагонам. Но не всем было суждено вернуться в них.

Бомбёжки были частые, но эту — перед Миллерово — я никогда не забуду. Сколько страш-

ных картин мы увидели, проезжая те места, где были бомбёжки. За все 70 послевоенных лет ни один кадр художественной или документальной ленты не смог мне показать ничего более ужасного.

Уже потом, повзрослев, изучая историю Великой Отечественной войны, я узнала, что станцию Миллерово немцы бомбили особо жестоко — это был стратегически важный транспортный узел.

Конечным пунктом нашей «прогулки» был Узбекистан, Ташкент. Там мы трудились на Россельмаше или Ташмаше, не знаю, что правильно, — это завод, который был эвакуирован из Ростова-на-Дону и теперь уже в Ташкенте работал на фронт, на оборону, на войну.

Завод выпускал снаряды — мины. На конце гладкого точёного сигарообразного корпуса устанавливался так называемый стабилизатор — крыльчатка. Я сверлила эти стабилизаторы. Сверлильный станок для меня был высок. Поэтому перед ним укладывали ящик вверх дном, и я стояла на нём каждый день двенадцать часов, без выходных, без праздников, до Победы...

Нас было много, которые стояли на ящиках. И мы, стараясь перекричать шум станков, горланили: «Вставай, страна огромная...»

Ах, в этом славном 45-м всем так хотелось

побывать!..

А я была! А я жила! И в июне 1945 года я получила медаль! Мне было 16 лет! Я получила награду «За самоотверженный и доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945...»! Я невероятно горжусь этой наградой! Она свидетельствует, что и я причастна к этой славной битве, к этой Великой Победе!

Да, я была в том славном 45-м!

Он защищал Севастополь

ДМИТРИЙ СИЛКОВ,
5 «А» класс, Российская гимназия

Мой прадедушка Николай Антонович Коцкий родился 25 июня 1909 года.

Он был ветераном 345-й Дагестанской стрелковой дивизии. Воевал в составе 1165-го стрелкового полка. В 1941–1945 годах во время войны с фашистской Германией Севастополь был окружён врагом с суши и блокирован с моря. Осада длилась 8 месяцев. Город систематически подвергался бомбардировке и артобстрелам. Он ушёл под землю. Люди заранее знали, что они идут на смерть ради своей Родины.

30 октября 1941 года началась вторая героическая оборона Севастополя, которая продолжалась 250 дней — до 4 июля 1942 года. Эту битву называли «кровавый июль». Немцы никого не щадили, убивали даже маленьких детей. На улицах лежали мёртвые люди. Российские войска защищались до последней капли крови. Среди них был и мой прадедушка.

В ходе этой битвы мой прадедушка был тяжело ранен в ногу, и его вместе со всеми, кто был ранен в Севастополе, по Чёрному морю переправляли в госпиталь в Батуми. Корабли шли под бомбёжками немцев, и из всех кораблей уцелел только один. Капитан сказал: «Кто-то из вас — счастливый!» Каждый из раненых подумал, что это он.

Прадедушка очень долго лежал в госпитале, после ранения его комиссовали, 15 марта 1945 года наградили медалью «За оборону Севастополя».

А моя прабабушка Александра Николаевна Коцкая родилась в 1918 году. В войну она рыла окопы и была медсестрой — помогала раненым. Она награждена медалью «За оборону Кавказа». Я очень горжусь моими прадедушкой и прабабушкой.

